

обходимым для начала его деятельности. В репертуарном плане, помимо произведений национальных драматургов, запроектировано несколько пьес советских авторов. Художественным руководителем театра назначен крупнейший норвежский культурный деятель — режиссер театра и кино Ханс Якоб Нильсен.

Удастся ли этому театру осуществить свои планы строгого отбора репертуара — покажет будущее.

Кое-кто из передовых норвежских театралов побывал в Москве и познакомился с жизнью советского театра. Теперь в своих работах они стараются следовать художественным принципам К. С. Станиславского. Да и многие из тех, кто не бывал в Москве, жадно интересуются литературой о Московском Художественном театре, которая появляется время от времени в книжных магазинах Осло. Убеденными последователями МХАТ являются такие выдающиеся деятели норвежского театра, как Ханс Якоб Нильсен, Уле Греб, Арне Томас Ульсен и другие.

Сильное влияние МХАТ особенно заметно в постановках Национального и Норвежского театров. После закрытия Студио-театра свою работу с актерами по системе Станиславского Арне Томас Ульсен перенес в Новый театр.

Из двадцати двух спектаклей, виденных мною в театрах Осло, особенно запомнились «Союз молодежи» и «Борьба за престол» Генриха Ибсена, «Чайка» Чехова и пьеса норвежского писателя-коммуниста Нурдала Грига, погибшего во время войны с фашистской Германией, «Наша честь и наша сила», показанная на сцене Национального театра. В Норвежском театре наиболее интересными постановками оказались «Викинги» — пьеса современного норвежского писателя Иоганна Боргена, «Вишневый сад» Чехова и «Том Сойер» Марка Твена. В «Новом театре» поправился детский музыкальный спектакль «Маленький трубачист» (либретто Эрика Гроциера, музыка Бениamina Бриттена).

В пьесе «Викинги» Иоганн Борген делает любопытную попытку показать древних норвежских рыцарей без того налета идеализации, которым их покрыли буржуазные историки. Он рисует викингов, как грубых и невежественных морских вояк, которые не прочь поживиться чужим добром и которым свойственны все человеческие пороки и слабости. Несмотря на скромность спектакля Норвежского театра, пьеса «Викинги», пользовалась большим успехом у публики.

Из двух ибсеновских спектаклей, виденных мной в Национальном театре, «Союз молодежи» оказался наиболее интересным. Режиссеру-постановщику удалось тонко подметить и раскрыть ибсеновский сарказм, едко высмеять лицемерие и ханжество правящей верхушки буржуазного общества. Спектакль получил ярко выраженное современное звучание. В роли камергера горнозаводчика Братсберга зритель видел современного буржуа — норвежского капиталиста, а в образе типографщика Акслаксена — современного социал-демократа, пресмыкающегося перед американцами.

Самой большой удачей Национального театра явилась постановка пьесы Нурдала Грига «Наша честь и наша сила» (режиссер Герд Григ). В этой пьесе автор-коммунист смело разоблачает хищническую природу норвежских судовладельцев и фабрикантов. Постановка этой пьесы вызвала бурю негодования в лагере буржуазии. Реакционные журналисты ругали пьесу, якобы, за извращение исторической правды и обливали грязью ее постановщика. Прогрессивная печать стала на сторону театра, доказывая, что пьеса правдиво обличает виновников грабительских, несправедливых войн. Зрители поддержали театр, и пьеса «Наша честь и наша сила» прошла более десяти раз, что в современной Норвегии мо-

жет служить свидетельством успеха.

Хорошее впечатление произвели на меня и постановки пьес русских классиков, переведенных на норвежский язык. Особенно хочется остановиться на чеховском спектакле «Вишневый сад», показанном на сцене Норвежского театра. Осуществил эту постановку не профессионал-режиссер, а писатель Иоганн Борген, который знает и любит Чехова и хорошо понимает психологию чеховских героев.

После премьеры мне удалось побеседовать с артисткой Торис Маурстад, исполнившей роль Раневской. Она охотно рассказала о своих творческих исканиях в этой роли.

— За двадцать лет артистической работы мне пришлось сыграть очень много разных ролей в пьесах норвежских и зарубежных авторов, но больше всех мне пришелся по душе образ Любви Андреевны Раневской, — старательно выговорила она имя и отчество своей героини, что очень трудно дается норвежским артистам, — этой милой и доброй русской женщины, совершенно не приспособленной к жизни. Я так ярко представляю себе ее, что вместе с Раневской глубоко переживаю ее большое горе.

Слова талантливой артистки не расходились с делом. Ее игра вызвала у зрителей исключительно теплый прием, а ведь норвежский зритель скуп на аплодисменты. В этом мы убедились на премьере. Поднялся занавес, зрители внимательно просмотрели первый акт и... разошлись в абсолютном молчании.

У нас, советских граждан, сидевших в зале, тревожно забилось сердце: провалился спектакль, не понравилась пьеса норвежцам.

Во время антракта захотелось послушать, что говорят о спектакле, но в курительной комнате не говорили ни о пьесе, ни об игре исполнителей. Нам уже казалось, что спектакль не будет иметь успеха. Но уже во втором акте сомнения стали рассеиваться. В третьем же зрители словно переродились, стали активно реагировать на отдельные монологи и занавес опустился под бурные аплодисменты зрительного зала.

Отлично сыграл Лопехина артист Эйвид Эйен, Фирса — Эдвард Драблос. Монолог Лопехина из третьего акта, прочитанный артистом с искренним волнением, особенно понравился зрителям. Они бурно приветствовали артиста.

В норвежских театрах обычно после премьеры пьеса идет непрерывно до тех пор, пока спектакль делает сборы. «Вишневый сад» продержался на сцене три недели, что для норвежского театра считается редким успехом.

Многие норвежские театральные деятели внимательно следят за театральной жизнью нашей страны. Их интересует работа театров не только в Москве, но и на периферии, в отдаленных городах. При каждой

Осло, НОРВЕЖСКИЙ ТЕАТР.
«Вишневый сад», Раневская — Т. Маурстад,
Лопехин — Э. Эйен.